

ХРОНИКА

УДК 341.16:639.2(91)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМЕШАННОЙ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОЙ КОМИССИИ ПО РЫБОЛОВСТВУ (ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ)

© 2016 г. В.М. Борисов

*Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства
и океанографии, Москва, 107140
E-mail: forecast@vniro.ru*

Поступила в редакцию 05.08.2016 г.

Автор статьи в составе научной группы регулярно с 1995 г. принимал участие в ежегодных сессиях Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству, что позволяло ему на протяжении последних десятилетий быть в числе разработчиков научных рекомендаций Комиссии по регулированию промысла баренцевоморских рыб. Большинство аналитиков по международному рыбопромысловому регулированию расценивают деятельность Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству как наилучший пример двустороннего сотрудничества стран в рамках аналогичных комиссий. Автор также считает, что работа Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству в целом заслуживает высокой положительной оценки, о чем свидетельствует, в частности, восстановление и рост запаса после 2000 г. основного промыслового объекта в регионе — баренцевоморской трески. Поскольку 2016 г. является юбилейным со времени начала работы Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству, то вполне логичен интерес к истории ее образования и уместно хотя бы краткое освещение некоторых сторон 40-летней деятельности Комиссии. По мнению автора, отдельные и в том числе стратегические положения, принятые и реализуемые Смешанной российско-норвежской комиссией по рыболовству, далеко не в полной мере учитывают особенности биологии некоторых эксплуатируемых популяций и их место в экосистеме моря. На основе сделанного анализа по некоторым направлениям работы Комиссии предлагаются пути более эффективного отстаивания и реализации российских государственных рыбопромысловых интересов.

Ключевые слова: двустороннее сотрудничество, баренцевоморская треска, пикша, черный палтус, камчатский краб, квоты вылова, общий допустимый улов, выбросы, правила регулирования промысла.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СРНК

На середину 1970-х гг. в норвежско-баренцевоморском регионе пришлось весьма важные в рыбохозяйственном аспекте события. В 1975 г. был достигнут международный консенсус относительно возможности установления прибрежными государствами 200-мильных экономических зон. Норвегия и СССР воспользовались таким правом соответственно в 1976 и 1977 гг. Но еще до введения зон советский министр рыбного хозяйства А. Ишков и

норвежский министр рыболовства Э. Болле неоднократно встречались для обсуждения регламентации промысла совместно эксплуатируемых запасов.

Поиск двусторонних взаимоприемлемых решений этих вопросов в какой-то мере диктовался недостаточной эффективностью регулирования промысла в рамках действующей с 1959 г. Конвенции по рыболовству в Северо-Восточной Атлантике (НЕАФК). Помимо этого обе стороны ощущали все возрастающее негативное вли-

яние на «свои» запасы рыболовного флота третьих стран. Это требовало в дополнение к существующим многосторонним международным организациям (ИКЕС, НЕАФК) создания некоего регионального механизма, обеспечивающего мониторинг состояния совместно эксплуатируемых популяций и поддержание условий для их долгосрочного воспроизводства в водах, прилегающих к СССР и Норвегии.

К продвижению в этом направлении побуждал также ряд других факторов. Единый информационный ресурс (<http://www.jointfish.com/rus/O-KOMISSII/OB-INFORMACIONNOM-RESURSE>) их суть сводит к следующему:

- понимание того, что рыбопромысловые запасы в Баренцевом море, хотя бы по чисто географическим соображениям, являются достоянием прежде всего СССР и Норвегии, которые должны взять на себя основную ответственность за сохранение этих запасов;

- необходимость расширения и углубления научно-исследовательского взаимодействия для использования получаемых результатов в рекомендациях по промыслу;

- поиск и выбор взаимоприемлемых научно-обоснованных решений не только по текущему управлению и контролю за рыболовством, но и в долгосрочном прогнозировании наиболее вероятных последствий промысла разной интенсивности.

Кроме того, ранее между двумя странами уже действовало Соглашение об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве от 19 мая 1972 г. Однако оно в большей степени касалось промышленного производства и не могло отражать специфику взаимодействия стран в области совместной эксплуатации морских биоресурсов. Вышеперечисленный круг вопросов требовал своих специальных основополагающих документов. Первым из них было Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства от 11 апреля 1975 г., где были прописаны общие принципы взаимодействия сторон в вопросах рыбного промысла.

Статья 3 этого Соглашения предусматривала создание двусторонней Смешанной комиссии по рыболовству. Заседание первой сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству (СРНК) состоялось в Москве 29–30 января 1976 г., т.е. еще до подписания следующего Соглашения о взаимных отношениях сторон в области рыболовства (15 октября 1976 г.). В практике работы СРНК также неоднократно возникала необходимость проведения в течение года дополнительных внеочередных сессий (1976, 1977, 1978, 2012 гг.).

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ СРНК В 1970–1980-Х ГОДАХ

Принцип паритетности. В «Соглашении между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Королевства Норвегии о взаимных отношениях в области рыболовства» 1976 г. (Сборник ..., 2001) сказано, что биоресурсы Норвежского и Баренцева морей представляют единый экологический комплекс, эксплуатируемый рыбаками обеих стран, которые в первую очередь заинтересованы и несут основную ответственность за выработку решений по сохранению живых ресурсов и рациональному их использованию. Равная ответственность за судьбу совместно эксплуатируемых запасов, пусть и не зафиксированная в явной форме какими-либо официальными документами, подразумевала прежде всего равные возможности для вылова, по крайней мере, основных промысловых объектов. Необходимость следования принципу паритетности обсуждалась еще до первой сессии СРНК на предварительных встречах министров по рыболовству, при рассмотрении вариантов разделения общего допустимого улова (ОДУ) на национальные квоты по треске и пикше. Неравное распределение приоритетного ресурса означало бы ущемление интересов одной из сторон и противоречило бы изначально

складывающимся добрососедским отношениям (Йоргенсен, Хеннеланд, 2015). Паритетному принципу стороны старались по возможности следовать и при проведении совместных учетных съемок и при научном разделении вклада в общие исследования состояния запасов.

С самой первой сессии и во все последующие годы неотъемлемой частью работы Комиссии была координация проведения биоресурсных и океанологических исследований в Баренцевом и Норвежском морях. Достаточно мощный научный потенциал и многолетний опыт ПИНРО по оценкам численности молоди промысловых рыб в юго-восточной части региона дополнялся успешно развивающимися в Норвегии акустическими исследованиями в пелагиали юго-западных районов.

Параллельно с научными исследованиями по распределению и оценкам запаса ученые и менеджеры обеих стран в равной степени участвовали в разработке идеологических основ и конкретных мер регулирования промысла, включающих как определение ежегодных объемов ОДУ основных рыбопромысловых запасов, так и технические условия ведения рационального рыболовства и обмена квотами.

Обмен квотами. В обмене квотами интерес советской стороны был связан, прежде всего, с запасами, слабо представленными в юго-восточной части Баренцева моря, но создающими промысловые концентрации в Норвежской экономической зоне (НЭЗ) — морской окунь, синекорый палтус, сайда, путассу. Ведущее место среди получаемых от Норвегии квот фактически до середины 1980-х гг. занимал морской окунь (47–95 тыс. т), запас которого в последующие годы значительно упал, что соответственно снижало и объемы квот: от 65 тыс. т в 1987 г. до 9,0–3,5 тыс. т в 1990–2000-х гг. Передача квот по сайде в период 1980–1983 гг. прекратилась в связи с сокращением ее запаса, однако с 1984 г. и по настоящее время сайда ежегодно присутствует в обменном фонде.

Изначально ограниченная (1978 г. — 10 тыс. т) обменная квота на путассу в 1983 г. возросла до 485 тыс. т (включая норвежскую зону вокруг о. Ян-Майен). Надо сказать, что такой объем обменной квоты, даже сниженный в 1989 г. до 290 тыс. т, а впоследствии до 80 (1992 г.) и 50 тыс. т (1996 г.), представляется автору неоправданно завышенным, особенно на фоне того, что максимально высоким отечественный вылов путассу в НЭЗ (12,3 тыс. т) был лишь однажды, в 1986 г. В последующие годы он колебался на уровне 7–50 тыс. т.

Обменные квоты были установлены также для аргентины, кальмара, креветки, но практически советским флотом они не реализовывались. В качестве компенсации по этим и вышеперечисленным объектам СССР передавал Норвегии часть своей квоты на вылов трески (1982–1987 гг. — 55–75 тыс. т), пикши (1981–1983 гг. — 15–25 тыс. т), сайки (1979 г. — 10 тыс. т, 1987–1996 гг. — по 3 тыс. т) (Хеннеланд, 2007).

Другой формой взаимовыгодного ведения промысла было предоставление каждой из сторон права выбора части своей квоты в зонах друг друга. Исходно оно обосновывалось изменяющимся по годам западным либо восточным распределением промысловых запасов трески и пикши. Так, в период 1978–1987 гг. СССР мог до 80 тыс. т своей квоты по треске ловить в зоне Норвегии, а Норвегия до 35 тыс. т — в советской зоне. В 1990-е гг. это соотношение увеличилось, соответственно, до 150 и 50 тыс. т (табл. 1). Объемы допустимого вылова пикши в зонах друг друга в этот же период ограничивались для СССР в НЭЗ 10–25 тыс. т, а для Норвегии в советской зоне 5–12 тыс. т. После 2000 г. разница в объемах допустимого выбора национальных квот в зонах друг друга была ликвидирована. Одновременно были увеличены объемы взаимно допустимого вылова. Они стали равными: 140 тыс. т (2000–2014 гг.) и 200 тыс. т (2015, 2016 гг.) по треске, а по пикше 20 тыс. т (2000–2008 гг.), 30 тыс. т (2009–2011 гг.), 35 тыс. т (2012–2015 гг.) и 40 тыс. т (2016 г.).

Таблица 1. Квоты на вылов трески, выделяемые Норвегией для СССР/России в Норвежской экономической зоне (НЭЗ), фактический вылов в НЭЗ и общий отечественный вылов по Баренцеву морю, тыс. т

Год	Квота	Вылов		Год	Квота	Вылов	
		фактический (% от квоты)	общий			фактический (% от квоты)	общий
1978	80	49 (61)	267	1997	150	62 (41)	313
1979	80	18 (22)	106	1998	150	40 (27)	244
1980	80	19 (24)	115	1999	150	55 (37)	210
1981	80	19 (24)	83	2000	140	43 (31)	166
1982	80	7 (9)	40	2001	140	38 (27)	184
1983	80	12 (15)	23	2002	140	59 (42)	184
1984	80	8 (18)	22	2003	140	62 (44)	182
1985	80	7 (9)	62	2004	140	53 (38)	201
1986	80	53 (66)	150	2005	140	45 (32)	200
1987	80	73 (91)	202	2006	140	51 (36)	204
1988	120	51 (42)	169	2007	140	43 (31)	186
1989	110	26 (24)	135	2008	140	53 (38)	190
1990	70	26 (37)	75	2009	140	58 (41)	229
1991	70	55 79()	119	2010	140	65 (46)	267
1992	70	67 (96)	182	2011	140	91 (65)	310
1993	110	95 (86)	244	2012	140	100 (71)	330
1994	150	101 (67)	292	2013	140	139 (99)	432
1995	150	103 (69)	296	2014	140	160 (114)	433
1996	150	75 (50)	305	2015	200	103 (51)	381

В связи с этим небезынтересен анализ фактических объемов советского/ российского вылова в НЭЗ. Как было сказано выше, до 1988 г. СССР мог вылавливать до 80 тыс. т трески в НЭЗ. Фактически же этот объем чаще всего составлял 7–26 тыс. т, превысив рубеж в 50 тыс. т лишь в 1986–1988 гг. В середине и во второй половине 1990-х гг. (1994–1999) допустимый объем отечественного вылова трески в НЭЗ был увеличен до 150 тыс. т. Тем не менее вылов, несколько превышающий 100 тыс. т, был достигнут только в 1994 и 1995 гг. Позже (1996–1999 гг.) он составлял только 40–75 тыс. т, что не превышало 27–50% от допустимого объема. В первом десятилетии 2000-х гг. положение не изменилось. При

установленном пределе в 140 тыс. т российскими судами в НЭЗ вылавливалось лишь 38–65 тыс. т, или 27–46% от квоты. Рекордным за всю историю советского/ российского промысла в НЭЗ оказался 2014 г., когда было выловлено 160 тыс. т, т.е. лимит (140 тыс. т) был превышен на 20 тыс. т. Такой прецедент подтолкнул к тому, что на 2015 и 2016 гг. СРНК увеличила допустимый объем вылова трески в зонах друг друга до 200 тыс. т. Как видим, фактический отечественный вылов в НЭЗ указывает на неоправданно низкий интерес российского промысла к этому району практически на протяжении всего 40-летнего периода существования СРНК. Советские/российские переговорные усилия по наращиванию этих

объемов могли бы относительно легко реализовываться на фоне наших уступок жестким норвежским требованиям по увеличению ячеи в тралах и соответственно к повышению минимальных промысловых размеров трески и пикши.

Увеличение доли российского промысла в НЭЗ по-прежнему актуально, поскольку обе стороны заинтересованы в ослаблении прессы на промысловую молодежь, нагуливающуюся в основном в восточных районах моря. Кроме того, уже в ближайшей перспективе, по-видимому, встанет вопрос о как можно большем замещении тралового промысла на более экологически чистые — ярусный и снюрреводный. Но эти виды промысла ориентированы в основном на крупную, старшевозрастную рыбу более западного распределения. Поэтому и из этих соображений Россия должна накапливать традиционность своего промысла в западных районах Баренцева моря и расширять его масштабы.

ОДУ и другие формы регулирования промысла. С самого начала своей деятельности СРНК значительное внимание уделяет всем взаимоприемлемым формам регулирования промысла и прежде всего основной из них — установлению величин ОДУ.

Расхождения во мнениях сторон по установлению объемов ежегодных ОДУ были вызваны различиями в традиционных подходах к промыслу. Норвегия, имеющая относительно небольшой траловый, но масштабный лов пассивными снастями (сети, яруса, ручные уды), предпочитала оставлять его за рамками ОДУ, одновременно настаивая на увеличении промысловых размеров трески и пикши и, соответственно, ячеи в траловых мешках. Такие предложения нередко встречали понятное сопротивление советской стороны, поскольку приводили бы к снижению производительности отечественного тралового промысла.

Стремясь к сохранению рекрутов как основы будущего промыслового запаса, Комиссия вводит ряд ограничений на лов рыбы по размерам. В частности, в Российской экономической зоне (РЭЗ) с 1983 г. промысло-

выми приняты размеры: по треске не менее 42 см, по пикше — 39 см. В настоящее время они увеличены соответственно до 44 и 40 см. В зоне Норвегии с 1990 г. минимальная мера на треску была установлена не менее 47 см, на пикшу — 44 см. Допустимый прилов рыб меньшего размера не только трески, но также пикши и сайды суммарно определен в 15% от общего количества рыб этих видов в улове. В случаях превышения указанной доли принимается двустороннее согласованное решение о закрытии соответствующего района для ведения промысла.

Дополнительно был введен запрет тралений в местах концентрации молодежи рыб и камчатского краба в периоды их наибольшей уязвимости. С этой же целью обе стороны увеличивали размер ячеи в траловых кутках. В РЭЗ с 1981 по 2010 гг. она оставалась равной 125 мм, а в норвежской зоне с 1982 по 2010 гг. была 135 мм. Впоследствии в рамках реализации единых технических мер регулирования промысла было принято решение о введении с 2011 г. размера ячеи в кутках тралов не менее 130 мм при минимальных промысловых размерах для трески 44 см, для пикши — 40 см.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРНК В 1990-Х ГОДАХ

Признавая увеличение размера ячеи недостаточной мерой для ослабления промыслового прессы на молодежь тресковых, Комиссия с начала 1990-х гг. считает необходимым использование селективных решеток с расстоянием между прутьями 55 мм. Со второй половины 1990-х гг. это требование стало обязательным для тралового промысла.

Параллельно с этим в рамках СРНК разрабатываются и практически реализуются меры, направленные на сокращение прилова молодежи трески, пикши, палтуса и морского окуня на креветочном промысле. Прилов молодежи трески при промысле креветки не должен превышать 800 экз., пикши — 2000 экз., а морского окуня и палтуса — по 300 экз. на 1 т креветки.

В начале 1990-х гг. Комиссия была вынуждена признать, что на промысле тресковых фактически суммарный вылов существенно превышает рекомендуемые ею объемы ОДУ. В большей степени это происходило за счет превышения российских квот. С распадом СССР, приватизацией рыболовного флота и переходом к рыночной экономике большинство отечественных судовладельцев ориентировались на получение прибыли любой ценой, в том числе за счет превышения судовых квот прежде всего по валютоемким объектам промысла. Удобная и оперативная сдача уловов в иностранные, а не в российские порты способствовала сокрытию истинных объемов вылова.

Работа Комитета по контролю за рыболовством и другие задачи СРНК. Для усиления контроля за реальным положением дел на промысле при СРНК в 1993 г. создан и действует по настоящее время специальный орган — Постоянный российско-норвежский комитет по вопросам управления и контроля в области рыболовства (ПРНК). В его функции входят также обмен национальными данными по статистике уловов, повышение эффективно-

сти работы национальных контролирующих органов, организация обмена инспекторами рыбнадзора, анализ позиционирования судов и прохождения ими контрольных точек, выявление фактов нарушения правил рыболовства и превышения судовых квот на вылов (Зиланов и др., 2008).

По инициативе ПРНК Комиссия приняла ряд мер по регулированию и контролю за рыболовством. К наиболее важным можно отнести внедрение спутникового мониторинга промысловой деятельности судов и контроль за обязательным использованием сортирующих систем на траловом промысле. Параллельно привлекались специалисты обеих сторон для уточнения переводных коэффициентов на различные виды рыбопродукции, а также для согласования процедуры временного закрытия и открытия районов промысла.

Предыдущий период (1979–1990 гг.) с относительно низким промысловым запасом трески (740–1290 тыс. т) и минимальным советским выловом, упавшим до 22 тыс. т (1984 г.), сменился кратковременным (1991–1993 гг.) ростом ее запаса с 1560 до 2360 тыс. т (рис. 1). Это способствовало

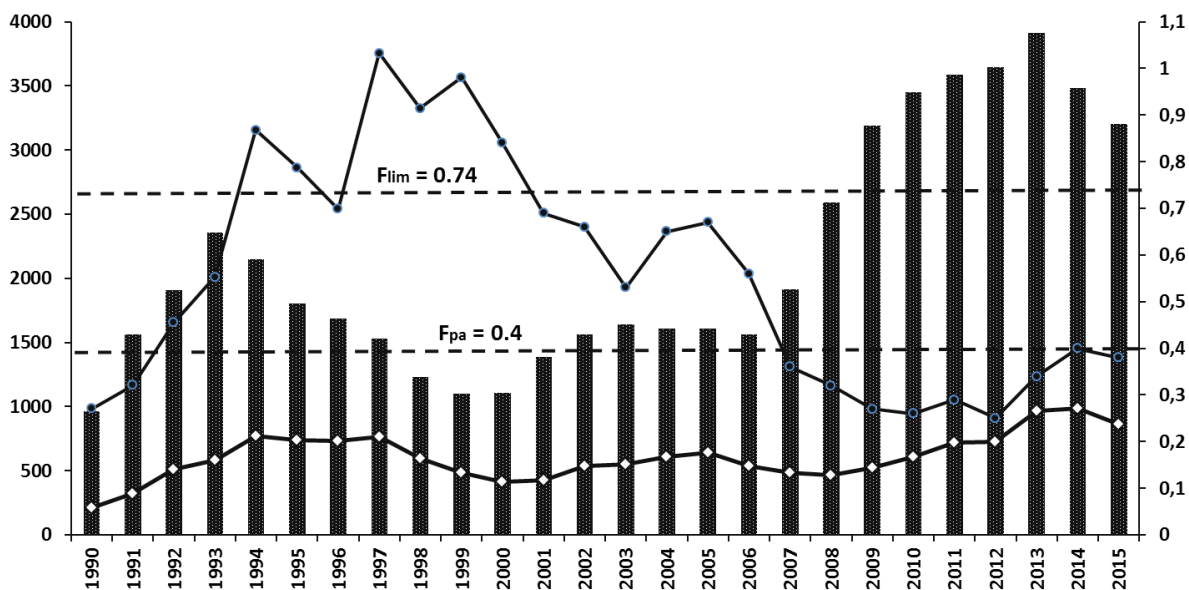

Рис. 1. Динамика промыслового запаса (■), уловов (-◇-) и промысловой смертности (-●-) трески, тыс. т.

успеху российско-норвежского сотрудничества, упрощая переговоры по объемам ОДУ и освобождая сессионное время для решения других важных вопросов. На сессиях 1990-х гг. регулярно подчеркивалось, что долгосрочной целью сторон является унификация размера ячеи в тралах и минимально допустимого промыслового размера рыбы по всему Баренцеву морю. Недопустимость использования пелагических тралов на промысле трески также была актуальной темой в тот период.

На начало 1990-х гг. пришлось ошутимое для промысла возрождение популяции атлантико-скандинавской сельди после ее коллапса с конца 1960-х до второй половины 1980-х гг. В связи с этим уже на 1988 г. после непростых дебатов СРНК сочла возможным выделить для СССР квоту в 20 тыс. т сельди, которые можно было выловить в зоне Норвегии. Позже этот объем увеличивался, достигнув в 1997 г. 150 тыс. т.

Резкие перепады в биомассе мойвы также создавали ряд трудностей. Очередные тревожные сигналы о состоянии ее запаса прозвучали на 21-й сессии (ноябрь 1992 г.), когда обсуждалось возможное повторение ситуации 1986–1990 гг. Дополнительные материалы, уточняющие результаты осенней съемки, подтвердили высказанные опасения, что заставило отказаться сначала от осеннего промысла в 1993 г., а затем и от весеннего — в 1994 г. Продолжительность этого коллапса (1994–1999 гг.) превзошла предыдущий. Однако введенный почти 6-летний мораторий на промысел мойвы не смог полностью восстановить ее запасы.

Запрет на спецпромысел черного палтуса. На этом же этапе Комиссия, обеспокоенная сокращением запаса черного палтуса, принимает весьма важное решение, запретив с 1992 г. спецпромысел этого вида. Тем не менее норвежская сторона настаивала на сохранении своего прибрежного (аборигенного) промысла пассивными орудиями лова в рамках традиционных объемов (Протокол ..., 1991; тексты всех упоминаемых в статье Протоколов можно найти в

интернете: <http://www.jointfish.com>). Кроме того, для обеих сторон был разрешен вылов палтуса в объемах, необходимых для ведения научного мониторинга и в качестве неизбежного прилова. В период запрета (1992–2010 гг.) фактический суммарный вылов в некоторые годы составлял от 10 до 18,8 тыс. т. Обращает на себя внимание масштаб нарушений запрета, которые оказывались сопоставимыми с назначаемыми ОДУ в первые постзапретные годы, а именно: 15 тыс. т в 2011 г., 16,5 тыс. т — в 2012 г. и по 17,5 тыс. т в 2013–2015 гг. Максимальная величина вылова, отмеченная в период запрета (18,8 тыс. т), будет превышена лишь в 2016 г. при ОДУ, равном 22,0 тыс. т. Тем не менее 18-летнее ограничение на лов палтуса и осторожное наращивание ОДУ в последующие годы способствовали восстановлению и росту его запаса после снятия запрета. На 38-й сессии (2009 г.) стороны приняли решение о возобновлении в 2010 г. прямого (специализированного) промысла палтуса с разделением ОДУ на национальные квоты в соотношении: 51% — Норвегии, 45% — России и 4% — третьим странам. С учетом фактического распределения промыслового запаса палтуса по акватории Баренцева моря изначально допускался менее удачный для России вариант. Однако исключительно слаженная работа российских ученых (ВНИРО, ПИНРО) в процессе подготовки материалов для ключа разделения ОДУ, а также переговорный опыт российских менеджеров при отстаивании государственного интереса обеспечили желаемый результат.

Квоты на вылов прибрежной трески. Во второй половине 1990-х гг. заметно возросла необходимость усиления работ по исследованию запасов прибрежных стад трески. Норвежская сторона была заинтересована в выделении обособленной прибрежной популяции трески, для которой можно было устанавливать ОДУ вне зависимости от объема допустимого вылова по треске открытых вод Баренцева моря. Основная аргументация в пользу этого сводилась к специфике ареала этой части запаса. Поскольку норвежская

прибрежная треска распределяется преимущественно во фьордах и 12-мильной зоне Норвегии, она составляет запас внутренних национальных вод со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями, что необходимо учитывать при установлении ОДУ. В большей степени это проводилось для ограничения промысла третьих стран, но косвенно имело отношение и к России. Статус самостоятельности норвежской прибрежной трески был признан на уровне ИКЕС. В отношении же мурманской прибрежной трески считается, что доводов для аналогичного запроса в ИКЕС недостаточно.

С российской стороны предпринимались попытки критически проанализировать биологическую обоснованность выделения прибрежных стад трески в самостоятельные запасы (Борисов и др., 1999; Строганов, 2014). С позиций районов нереста, структуры отолитов, особенностей созревания, набора паразитов и генетических маркеров было показано, что в отношении трески зона побережья с норвежскими фьордами, мурманскими заливами-губами и зона открытых вод должны рассматриваться как сообщающиеся сосуды. Поэтому установление помимо основного ОДУ каких-либо дополнительных объемов вылова для временно образующихся экологических группировок не имеет биологического смысла. Тем не менее история по выделению прибрежных квот, начавшаяся со 2-й сессии СРНК (1977 г.), с некоторыми вариациями (1977–2003 гг. по 40 тыс. т, 2004 г. — 20 тыс. т, 2005–2016 гг. по 21 тыс. т) продолжается и сейчас.

Камчатский краб в Баренцевом море. В начале 1990-х гг. стало ясно, что вселенный советскими учеными в Баренцево море в середине прошлого века камчатский краб успешно прижился, расширяет свой ареал и как прилов регулярно встречается не только в РЭЗ, но и в НЭЗ. В рамках СРНК «крабовый» вопрос впервые был затронут на 21-й сессии (1992 г.), когда стороны обменялись информацией по распределению камчатского краба у побережья России и Норвегии в Ба-

ренцевом море и согласились о координации и расширении исследований (Протокол ..., 1992). В последующие годы подтверждалась необходимость запрета на коммерческий лов краба и в продолжении исследований по двусторонним и национальным программам, включая программу экспериментального промысла. Объемы изъятия для этих целей увеличивались с 11 тыс. экз. самцов каждой стороной (на 1995 г.) до 100 тыс. экз. (на осень—зиму 2001–2002 гг.). Коммерческий промысел краба было решено открыть лишь в сезон 2002–2003 гг.

Несмотря на явную выгоду от вселения и добычи краба даже в скромных масштабах научно-экспериментального лова, норвежская сторона регулярно высказывалась об отрицательном воздействии вселенца на традиционный прибрежный промысел (опасный конкурент бентосоядным рыбам, запутывание сетей, повреждение и выедание пойманной рыбы). Позже (2004 г.) Норвегия проинформировала о принятии мер по предотвращению или ограничению распространения камчатского краба на запад от 26° в.д. (Протокол ..., 2003). К этому добавились разногласия в национальных режимах промысла, и Комиссия приняла решение о ведении с 2007 г. отдельного управления запасом камчатского краба в своих экономических зонах (Протокол ..., 2006). Признанием же российских заслуг по акклиматизации камчатского краба в Баренцевом море и бесспорно ощутимого экономического эффекта от успешно продолжающегося крабового промысла явилось чествование в норвежском посольстве (2008 г.) «отца» баренцевоморского русского краба — Юрия Илларионовича Орлова (Беренбойм, 2015).

Чрезмерный промысел трески в 1990-е гг. На последнее десятилетие прошлого века пришлось также значительные для СРНК события, связанные с динамикой промыслового запаса трески. Если начало 1990-х гг. позволяло увеличивать ОДУ вслед за растущим запасом, то уже в 1994 г. тренд динамики запаса поменялся на противоположный (табл. 2).

Таблица 2. Промысловый запас, общий допустимый улов (ОДУ) и фактический общий вылов баренцевоморской трески, тыс. т

Год	Запас	ОДУ по		Вылов	Год	Запас	ОДУ по		Вылов
		ИКЕС	СРНК				ИКЕС	СРНК	
1990	963	172	160	212	2003	1644	305	395	552
1991	1562	215	215	319	2004	1613	398	486	606
1992	1912	250	356	513	2005	1609	485	485	641
1993	2360	256	500	582	2006	1565	471	471	538
1994	2150	649	700	771	2007	1916	309	424	487
1995	1809	681	700	740	2008	2592	409	430	464
1996	1690	746	700	732	2009	3195	473	525	523
1997	1534	993	850	762	2010	3455	577	607	610
1998	1233	514	654	593	2011	3588	703	703	720
1999	1106	360	480	485	2012	3646	751	751	728
2000	1109	110	390	415	2013	3913	940	1000	966
2001	1389	263	395	426	2014	3488	993	993	986
2002	1564	181	395	535	2015	3206	894	894	864

Но СРНК, воодушевленная позитивом предыдущих лет, проигнорировала тревожный сигнал и увеличила ОДУ на фоне продолжающегося снижения запаса от 500 тыс. т в 1993 г. до 700 тыс. т в 1994 г., а в 1997 г. даже до 850 тыс. т. Соответственно этому возросли показатели промысловой смертности F (рис. 1). В 1997 г. она оказалась максимальной за всю историю трескового промысла ($F = 1,032$). Такой пресс промысла был, бесспорно, чрезмерным, следствием чего явилось сокращение запаса с 2,4 млн т (1993 г.) до 1,1 млн т (1999 г.). Обеспокоенная сложившейся ситуацией СРНК идет на ежегодное сокращение ОДУ, снизив его с прежних 700–850 тыс. т до 390 тыс. т к началу нового тысячелетия (табл. 2).

СРНК ПОСЛЕ 2000 ГОДА

Борьба с браконьерством. В отношении баренцевоморского трескового промысла начало XXI в., как и первая половина 1990-х гг., характеризовались существенными переловами устанавливаемых ОДУ. По известным причинам, порожденным рас-

падом СССР, российская сторона не имела возможности должным образом или хотя бы на уровне 1970–1980-х гг. контролировать деятельность не только международного, но в полной мере и своего национального рыболовного флота в регионе. К сожалению, это происходило, несмотря на изначально предусмотренное равноправное партнерство сторон, подразумевающее активное участие каждой из них не только в исследовании запасов, но и во взаимном контроле за выбором национальных квот.

Норвегия, наоборот, в этом отношении активизировалась. К борьбе с международным рыбопромысловым браконьерством были подключены значительные силы норвежской береговой охраны и Директората по рыболовству. Результаты расчетов этих организаций показывали, что в 2002–2005 гг. объемы российских переловов составляли 90–117 тыс. т. Относительно же 2005 г. Бергенский институт морских исследований скорректировал оценку в еще большей степени — до 166 тыс. т.

Поскольку ряд позиций в таком анализе был связан с чисто теоретическими рас-

четами, основанными на интерполировании недостающих данных, и в методическом плане вызывал обоснованные сомнения, то группе российских специалистов, располагающих данными о промысловой и перегрузочной деятельности, о суточной производительности разного типа судов по сезонам и районам промысла, о российских поставках рыбы в порты Норвегии, России и третьи страны, было поручено провести ревизию выполненных норвежской стороной расчетов. Выяснилось, что представленные норвежцами материалы в большинстве своем имеют вероятностный характер со множеством допусков и предположений.

Российская группа экспертов при анализе работы тралового флота использовала разные и по сути независимые друг от друга методические подходы. Вылов рассчитывали: а) по количеству судов на лову, судо-суткам их лова и среднесуточной производительности (на основании судовых суточных донесений работающего флота, причем отдельно по каждой зоне промысла); б) по деятельности транспортных судов с привлечением данных по судам с «удобным» флагом и сведений о транспортировке трески в третьи страны добывающими российскими судами; в) по поставкам рыбопродукции из трески в Норвегию, Россию и третьи страны.

Результаты расчетов показали, что в том же 2005 г. фактические российские переловы трески относительно национальной квоты (213,7 тыс. т) могли составлять не более 20,0—26,0 тыс. т (Борисов и др., 2006).

Проблема переловов завершилась введенной НЕАФК с 1 мая 2007 г. системой государственного портового контроля, в соответствии с которой государство-получатель должно связаться с государством флага до выгрузки и получить подтверждение наличия у судна квоты на вылов заявленного для сдачи объема рыбы. Получатель в свою очередь должен проверять не менее 15% от выгрузок в течение года. Эффективность системы в отношении России и Норвегии подтвердилась тем, что уже в 2009 г. к взаим-

ному удовлетворению было констатировано отсутствие каких-либо переловов.

Выбросы на траловом и ярусном промысле. Вопросы о выбросах, периодически возникающие на сессиях СРНК, к концу первой декады нового тысячелетия весьма обострились. Привлекательный для российского флота промысел в НЭЗ осложнен тем, что по норвежским правилам рыболовства всякие выбросы в море рыбы и других промысловых объектов запрещены. В замороженном виде они должны доставляться на берег. Трудности по выполнению таких жестких требований, вполне приемлемые для норвежских судов, промышленящихся у своих берегов, многократно возрастают для российских судовладельцев.

Одной из задач созданной на 37-й сессии СРНК (2008 г.) Рабочей группы по разработке единых технических мер регулирования промысла было рассмотрение проблемы выбросов. Поскольку нарушение запретов на выброс связано с арестами судов и немалыми штрафами, т.е. имеет юридическую сторону, то понятие выбросов требует достаточно четкой и определенной формулировки. Согласно определению ФАО, выбросы трактуются как часть выловленного органического материала животного происхождения, которая в живом или мертвом виде, включая отходы переработки уловов, выбрасывается в море по экономическим, правовым либо другим причинам (Выбросы ..., 2005).

Такое расширенное толкование выбросов неизбежно размывает это понятие и в свою очередь может приводить к негативным последствиям, когда непреднамеренная ошибка рыбаков будет трактоваться контролирующими органами как сознательное нарушение. Поэтому, чтобы избежать разногласий в работе контролирующих органов, резонно предлагается ограничить данное понятие тем, что выбросы — это рыба, выброшенная в море после того, как она была поднята на борт рыболовного судна (Васильев и др., 2013; Голенкевич, 2014).

С учетом приведенных выше мнений 40-я сессия СРНК (2011 г.) согласовала,

казалось бы, взаимоприемлемое для обеих сторон понятие «выброс» при траловом и ярусном промысле. В соответствии с ним выброс — это выпуск или возврат рыбы в море с борта судна, совершенный умышленно или по неосторожности. Выбросом не считается рыба, вышедшая из орудий лова во время их поднятия на борт судна (вследствие выхода рыбы через ячею или снятия с ярусов), а также в результате повреждения орудий лова. При осуществлении промысла рыбак с учетом обстоятельств делает все возможное для поднятия на борт судна нежизнеспособной рыбы. После поднятия улова на борт судна гнилая или по другим причинам непригодная для пищевых целей рыба без излишней задержки может быть возвращена в море. Рыба, не пригодная для пищевых целей вследствие произведенных с ней операций на борту судна, а также рыба, не обработанная вследствие нехватки производственной мощности судна, не может быть возвращена в море. В связи с переработкой рыбы на борту судна отходы рыбы от производственного процесса (головы, хребты, плавники, кожа, внутренности) также могут быть возвращены в море (Протокол ..., 2011).

Однако уже в начале 2012 г. норвежская сторона обратилась к российскому сопредседателю СРНК с просьбой о необходимости созыва внеочередной, 41-й, сессии, где она намерена заявить, что исходя из целей контроля и обеспечения доказательной базы недопустимо, чтобы после поднятия улова на борт судна гнилая или по другим причинам непригодная для пищевых целей рыба без излишней задержки возвращалась в море. На созванной 41-й сессии стороны не смогли прийти к консенсусу по этому вопросу и поручили Рабочей группе по «выбросам» продолжить анализ проблемы, включая изучение международного опыта. В процессе этой работы были выяснены основные причины таких действий и предложен комплекс мер, направленный на снижение выбросов. К сожалению, в их числе нет рекомендаций по увеличению числа российских судов, оборудованных рыбомучными установками, сы-

рьем для которых служат непромысловые части улова и отходы рыбообработки. В настоящее время доля таких судов на российском промысле не превышает 10%. Преимущество ведение промысла такими судами существенно снизило бы масштабы выбросов.

В эти же годы (2012, 2013) произошло также немаловажное событие, связанное с морским окунем-клювачом *Sebastes mentella*. Его нерестовый запас после длительного периода восстановления вырос от 1992 к 2013 гг. со 100 до 750 тыс. т, что позволяло возобновить промысел. На 42-й сессии СРНК создает специальную Рабочую группу по разработке правила управления промыслом *S. mentella* и ключа разделения ОДУ. В соответствии с ним установленный на 2015–2017 гг. ОДУ в объеме 30 тыс. т распределяется в соотношении: Норвегия — 72%, Россия — 18%, третьи страны — 10%.

Долгосрочная стратегия управления промыслом. Накануне вступления в новое тысячелетие Комиссия была весьма обеспокоена начавшимся с середины 1990-х гг. очередным сокращением запаса трески и опасностью его продолжения. Основная причина этого виделась в недостаточно регулируемом промысле, поэтому с 2001 г. была начата разработка «Основных принципов и критериев долгосрочного, устойчивого управления живыми морскими ресурсами в Баренцевом и Норвежском морях» (Report ..., 2003). Исходная идея этого базового документа — прописать согласованные принципиальные пути ведения рационального рыболовства, обеспечивающего долговременный оптимум воспроизводства запасов. Используя идеологическую основу Положения, Комиссия формализует процедуру ежегодного установления ОДУ по треске и пикше в специальном Правиле регулирования промысла (ПРП). Содержательную часть Правила предваряет стратегия, ориентирующая тресковый промысел, с одной стороны, на получение долгосрочной высокой выгоды от эксплуатации запаса, а с другой — на стремление к межгодовой стабильности ОДУ. При этом его до-

пустимые межгодовые изменения ограничены $\pm 10\%$ для трески и $\pm 25\%$ — для пикши. Вместе с тем оставались в силе требования к соблюдению промысловой смертности на уровнях, соответствующих принятым биологическим ориентирам, а именно: $F = 0,4$ для трески и $F = 0,35$ для пикши.

По поводу возможностей и необходимости одновременной реализации всех вышеуказанных условий ПРП, а также их биологической обоснованности на сессиях СРНК неоднократно возникали дискуссии. Несмотря на достаточно вескую аргументацию оппонентов, принципы ПРП остаются в силе уже почти 12 лет. На наш взгляд, они требуют пересмотра по следующим позициям.

Во-первых, стремление к стабильности ОДУ противоречит согласованному в «Основных принципах ...» тезису: ОДУ по каждому промысловому запасу должен устанавливаться в объемах, не снижающих его воспроизводство, и изменяться в соответствии с годовыми колебаниями запаса.

Во-вторых, межгодовая изменчивость большинства морских рыбопромысловых запасов неизбежна по природным, не зависящим от человека причинам. Нередко она существенно превышает предусмотренные в ПРП $\pm 10\%$ -ное и $\pm 25\%$ -ное колебания ОДУ для трески и пикши соответственно (Борисов, 2014). В этом случае, следуя рекомендациям ИКЕС по соблюдению предосторожной промысловой смертности (precautionary approach, p_a) — соответственно $F_{p_a} = 0,4$ и $F_{p_a} = 0,35$, также неизбежны межгодовые отличия ОДУ, превышающие установленные диапазоны. Другими словами, даже по чисто арифметическим соображениям парадоксально добиваться стабильности ОДУ при изменяющемся запасе и постоянстве F . Либо ради постоянства ОДУ мы вынуждены пренебрегать рекомендациями в отношении постоянства F_{p_a} , либо надо изменять ОДУ от года к году так, чтобы он с учетом прогнозируемой оценки запаса соответствовал F_{p_a} .

В-третьих, получение долгосрочной максимальной выгоды от запаса при стремлении к межгодовой стабильности

ОДУ весьма сомнительно. Переменчивый по годам ресурс не может обеспечивать максимальную выгоду долговременно, а лишь в определенный, благоприятный для роста запаса период. Промысел в свою очередь должен оперативно использовать эту ситуацию, но быть готовым также оперативно сокращать свои масштабы при падении запасов во избежание переловов.

Долговременная стабильность уловов возможна только при минимизации ежегодных уловов до уровня, при котором промысел даже в годы значительного сокращения запаса не отразится на нем негативно, но это в свою очередь лишает нас суммарно высокого улова в долговременном аспекте. Параллельное стремление и к достижению максимальной долгосрочной выгоды от запаса, и к межгодовой стабильности ОДУ утопично и противоречит рациональности промысла.

Тезис о межгодовой стабильности ОДУ, по-видимому, был внесен в ПРП по настоянию менеджеров-экономистов и представителей промышленности, которые по понятным причинам (стабилизация рынка, организация переработки уловов и др.) не заинтересованы в резких межгодовых колебаниях ОДУ. При этом игнорируется неизбежность природных, нередко значительных, и потому важных для промысла колебаний биомассы запаса (Борисов, 2015; Borisov, Shibanov, 2016).

Причина противоречия между стабильностью ОДУ и получением долгосрочной максимальной выгоды кроется в попытке «поселить под одной крышей» объективно конкурирующие между собой биологические и производственно-экономические требования к ОДУ. К сожалению, до сих пор этот вопрос оставался вне повестки дня предыдущих сессий СРНК. Думается, что с учетом назревшей и все возрастающей актуальности он будет затронут уже на ближайшей сессии.

В связи с описанным выше очевидна необходимость введения поэтапной процедуры установления ОДУ по аналогии с используемым в США законом Магнусона—Сти-

венса (Safina et al., 2005; Rosenberg et al., 2006; Шаров, 2015).

Применительно к СРНК речь не идет о механическом переносе всех десяти прописанных в этом законе принципов эффективного управления промыслом и сохранения биоресурсов. Но двухэтапность такой работы давно напрашивается. На первом этапе используются только биологические критерии, характеризующие текущее и прогнозируемое на ближайшую перспективу состояние запаса, тем самым отвечая на вопрос, какая часть популяции в следующем году может безболезненно для нее изыматься промыслом. Эта оценка должна восприниматься как максимально допустимая по биологическим соображениям величина промыслового изъятия. На втором этапе биологически обоснованная базовая величина возможного вылова корректируется с учетом факторов, связанных с конъюнктурой рынка, техническими возможностями флота, хранением и переработкой сырья, а также экономическими, социальными, политическими аспектами.

Для обеспечения прозрачности таких корректировок представляется вполне логичным на пленарных заседаниях СРНК наравне с биологами заслушивать также доводы других специалистов о необходимости сокращения (либо некоторого увеличения) исходной биологически приемлемой величины ОДУ по причинам, не связанным с состоянием запаса.

Двухэтапное установление ОДУ включало бы трудности, с которыми СРНК столкнулась, например, на 38-й сессии (2009 г.). В предшествующий период приросты запаса трески по смежным годам существенно опережали рост ОДУ, сдерживаемый 10%-ным ограничением. В результате промысловая смертность в 2007 г. оказалась ниже предосторожного уровня ($F = 0,4$), а в 2009–2012 гг. и ниже ($F = 0,3$) (рис. 1).

В такой ситуации с биологических позиций действительного, а не только декларируемого управления запасом следовало бы увеличить пресс промысла на треску как на хищника, переизбыток которого в море не-

гативно сказывается на других промысловых видах, потребляемых треской (Борисов, 2012). Однако СРНК принимает прямо противоположное решение. ПРП «усовершенствуется» заменой биологически обоснованного ориентира $F_{pa} = 0,4$ на произвольно пониженный до $F = 0,3$. Фактически это означало ослабление пресса промысла ради сдерживания ОДУ в условиях продолжающегося роста запаса. Такой нелогичный шаг, конечно, требовал не кулуарного, а широкого обсуждения в рамках СРНК с изложением веских причин предлагаемого изменения ПРП, а не только формального обращения в ИКЕС для подтверждения соответствия (такой замены) принципу осторожного подхода (Протокол ..., 2009). Можно было заранее гарантировать получение положительного ответа, поскольку снижение F давало еще большую степень предосторожности тресковому запасу, одновременно обеспечивая ему дополнительные преференции. Но вопрос относительно возрастающего при этом воздействия трески на другие элементы экосистемы еще не ставился столь остро, как в последующие годы и, в частности, на 45-й сессии (2015 г.). Не только научной группе, но и топ-менеджерам СРНК стала очевидной другая сторона излишне щадящего отношения к нерестовому запасу трески, к поддержанию его на высоком уровне. Запас мойвы — основного корма для трески — к 2015 г. в очередной раз упал до состояния коллапса. Поэтому Комиссия была вынуждена оставить изъятие трески в 2016 г. на уровне несколько выше, чем следует по правилу управления, чтобы снизить пресс хищничества трески на мойву, сайку, молодь донных рыб и другие виды, которые потребляет треска (Протокол ..., 2015).

Правило регулирования промысла (ПРП). В этом отношении период 2015–2016 гг. оказался достаточно активным в деятельности СРНК. С обеих сторон неоднократно предпринимались шаги по критическому анализу действующих ПРП и вносились предложения по их усовершенствованию (рис. 2).

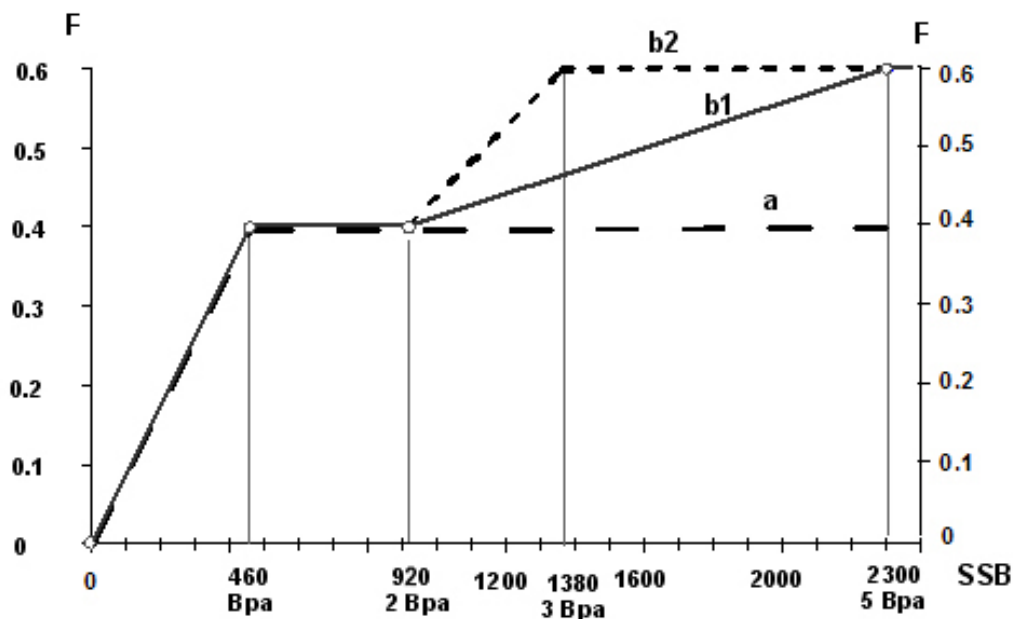

Рис. 2. Действующая (а) и предлагаемые (b1, b2) схемы регулирования промысла трески.

Осознавая необходимость пересмотра действующих ПРП, СРНК сформулировала десять вариантов ПРП для трески, шесть — для пикши и четыре — для мойвы. В форме официального запроса они были направлены в ИКЕС для оценки последствий применения каждого варианта в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах. Все варианты ПРП, протестированные в ИКЕС, удовлетворяли требованиям предосторожного подхода. Некоторые из них по сравнению с действующими ПРП для трески (рис. 2, кривая а) не имели принципиальных отличий. В других предлагалось расширить либо вовсе снять ограничения на межгодовые изменения ОДУ. К наиболее важным предлагаемым изменениям, по видимому, следует отнести отказ от сдерживания ОДУ в условиях роста запаса снятием ограничения $F \geq 0,3$, хотя последнее полностью теряет смысл при введении в ПРП переменной F , зависящей от биомассы нерестового запаса (SSB или B). Предосторожная промысловая смертность $F_{pa} = 0,4$ остается на постоянном уровне только в диапазоне от $B_{pa} = 460$ тыс. т до $2B_{pa} = 920$ тыс. т. Далее возможны варианты: либо F увеличивается линейно от точки $F = 0,4 \div 2B_{pa}$ до точки

$F = 0,6 \div 3B_{pa}$, оставаясь на этом уровне также при больших значениях SSB (рис. 2, кривая b2); либо F из точки $F = 0,4 \div 2B_{pa}$ уходит в точку $F = 0,6 \div 5B_{pa}$ (рис. 2, кривая b1), далее не увеличиваясь; либо последнее ограничение не оговаривается в силу маловероятности ситуации, когда SSB окажется более $5B_{pa}$.

Вопросы, касающиеся стратегий управления рыболовными запасами Баренцева моря, практически постоянно находились в поле зрения СРНК. Более того, они становились основной темой обсуждения пяти (1999, 2003, 2005, 2007, 2016 гг.) из уже 17 состоявшихся с 1983 г. научных российско-норвежских симпозиумов.

В завершении обзора 40-летней деятельности СРНК представляется уместным обратить внимание на следующий факт. Со времени образования Комиссии и до 2000-х гг. все ее в большей или меньшей степени важные решения, согласованные между сторонами, принимались самостоятельно. Гарантией обоснованности решений по поддержанию эксплуатируемых запасов на безопасном уровне, т.е. по определению объемов ОДУ, служили предложения постоянно действующей в составе СРНК научной группы, основанные прежде всего на

результатах работ двух достаточно авторитетных институтов — Бергенского института морских исследований, БИМИ (Норвегия) и Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии, ПИНРО (Россия). Комиссия имела все основания доверять квалификации работающих в ее составе специалистов-биологов, а записанный в статье 2а Соглашения от 15 октября 1976 г. учет рекомендаций международных организаций сводился к формальному извещению ИКЕС о предпринятых шагах. Однако в последнем десятилетии, к сожалению, заметно утрачивается приоритетность мнения Комиссии, в первую очередь заинтересованной в долгосрочном благополучии своих запасов, и мнения ее специалистов, непосредственно осуществляющих мониторинг состояния эксплуатируемых популяций и их экологического взаимодействия, а предпочтение отдается более авторитетным рекомендациям независимых экспертов ИКЕС. Недавно закончившаяся 46-я сессия СРНК может служить очередным примером этого.

Несмотря на то что стороны установили Правило управления промыслом трески, позволяющее в условиях высокого SSB существенно увеличивать промысловую смертность (до $F = 0,6$), т.е. ОДУ, ИКЕС в своих рекомендациях придерживается формально-консервативного подхода. Сам факт некоторого прогнозируемого снижения промыслового запаса от 2016 г. к 2017 г. обязывает экспертов ИКЕС снижать ОДУ с 894 тыс. т до 805 тыс. т, хотя современный запас (более 4 млн т) существенно превышает среднесезонную оценку (2,2 млн т) и мог бы безболезненно выдерживать промысловую нагрузку на уровне 1 млн т. Комиссия тем не менее была вынуждена проявить дипломатическую осторожность, сохранив ОДУ на 2017 г. в объеме, практически равном ОДУ 2016 г. (890 тыс. т).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Благополучное либо вполне удовлетворительное современное состояние

большинства рыбопромысловых запасов Баренцева моря, курируемых СРНК, свидетельствует в пользу заслуженно высокой оценки 40-летней деятельности Комиссии.

2. Ретроспективный анализ участия в работе Комиссии советских/российских специалистов вскрывает некоторые заслуживающие внимания недочеты, исключение которых на современном этапе способствовало бы отстаиванию государственных рыбопромысловых интересов в норвежско-баренцевоморском регионе.

3. Ставшую традиционной возможность выбора части национальной квоты по треске и пикше в экономических зонах друг друга необходимо приветствовать и добиваться увеличения объемов таких квот. В первом десятилетии 2000-х гг. при установленном пределе вылова российскими судами в НЭЗ 140 тыс. т фактически в среднем выбиралось только 36% квоты. Обоюдная заинтересованность сторон в ослаблении промысла на РЭЗ для нагуливающейся здесь молоди трески и пикши может быть веским аргументом в пользу выбора всей российской квоты в НЭЗ и в Медвежинско-Шпицбергенском районе. Последнее достаточно актуально с учетом ожидаемой в регионе постепенной замены тралового промысла на более экологически чистые — ярусный и снюрреводный.

4. Ожидаемая смена акцентов на экологически чистые виды промысла и ориентация российского промысла на западные стандарты обостряют проблему выбросов. По норвежским правилам рыболовства в НЭЗ они запрещены. Некондиционная рыба и продукты рыбообработки в замороженном виде должны доставляться на берег. Трудности по реализации отходов и связанные с этим штрафы и аресты российских судов требуют оснащения их рыбомучными установками (РМУ). В настоящее время доля российских судов с РМУ не превышает 10%. Преимущественное ведение промысла такими судами обеспечило бы расширение масштабов российского промысла в НЭЗ. До тех пор, пока эта проблема не перешла на двусторонний уровень (норвежцы могут во-

все запретить вход судов, не оборудованных РМУ, в свою зону), ее следует решать на национальном уровне.

5. Сохранение и рациональное использование живых ресурсов моря всегда было и остается одной из основных задач Комиссии. Это реализуется прежде всего установлением режима промысла, учитывающего текущие и прогнозируемые изменения в запасе. Особое внимание при этом всегда уделялось поддержанию высокого уровня SSB — казалось бы, залога достаточной численности очередного промыслового пополнения. Однако на практике такая логика почти нереализуема для видов, у которых урожайность поколений в гораздо большей степени зависит от условий инкубации икры, выживания личинок и молоди, нежели от родительского запаса и от исходного количества выметанной икры. Именно к таким видам относятся основные промысловые объекты региона — треска и пикша.

Изучение условий успешности выживания молоди на ранних стадиях развития и выявление решающих факторов, от которых оно зависит, требуют комплексного, действительно экосистемного подхода в исследованиях. В этом направлении обе стороны имеют немало готовых наработок, которые должны в полной мере использоваться в прогнозах запаса, т.е. и при установлении ОДУ. Тем не менее основным ориентиром в этом процессе остается уровень SSB, несмотря на ежегодно подтверждаемое отсутствие связи между SSB и численностью получаемого от него промыслового пополнения.

6. Принятая СРНК в начале 2000-х гг. стратегия на стремление к относительной межгодовой стабильности ОДУ не была и не могла быть полностью реализована. Основная причина — в неизбежности природных межгодовых колебаний запаса, нередко превосходящих те ограничения на межгодовые отличия по ОДУ, которые были включены в ПРП по инициативе менеджеров-экономистов.

Исходно заложенное в ПРП противоречие между стремлением к максималь-

но высокой выгоде от эксплуатации запаса и стремлением к межгодовой стабильности ОДУ порождало противоречие между биологическим и экономическим подходами к решению задачи.

7. Для снятия противоречий между, с одной стороны, биологическими, а с другой — производственно-экономическими и социально-политическими требованиями к ОДУ его следует оценивать в два этапа. Биологически обоснованный возможный вылов, оцененный на первом этапе, далее должен корректироваться с учетом всех других небиологических факторов специалистами соответствующих профилей.

8. Критика небиологичности ПРП привела в последние годы к обоюдному пониманию сторонами необходимости их ревизии. Этому же способствовал и организованный СРНК в марте 2016 г. Российско-норвежский симпозиум по регулированию промысла живых морских ресурсов. Большинство ученых принята позиция, в соответствии с которой промысловая смертность, т.е. интенсивность промысла (трески, в частности), может возрасти по мере увеличения биомассы нерестового запаса относительно ее оптимальной величины. Предлагаемая модернизация ПРП направлена не только на возможность увеличения ОДУ при высокой SSB трески, но и на снижение ее негативного влияния на другие элементы экосистемы.

9. 12-летний опыт действия прежнего ПРП показал потребность включения в него элементов гибкого режима управления промыслом, позволяющего быстро реагировать как на изменения запаса, не учтенные прогнозом, так и на вызовы экономического, социального либо экологического характера. С этой же целью ПРП должны периодически проходить ревизии для учета необходимой модернизации либо пролонгироваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беренбойм Б.И. Юрий Илларионович Орлов (1930–2013) — «отец» баренцевоморского русского краба // Сб. матер.

VIII Всерос. науч. конф. «Промысловые беспозвоночные». Калининград: Атлант-НИРО, 2015. С. 6–8.

Борисов В.М. В Баренцевом море переизбыток трески // Рыб. хоз-во. 2012. № 4. С. 16–18.

Борисов В.М. Об «устойчивом» рыболовстве и «управлении» морскими промысловыми запасами (на примере трески Баренцева моря) // Там же. 2014. № 4. С. 68–72.

Борисов В.М. Динамика запаса трески Баренцева моря и современные меры регулирования ее промысла // Тр. ВНИРО. 2015. Т. 155. С. 20–30.

Борисов В.М., Котенев Б.Н., Борисов А.И. Российские переловы баренцевоморской трески в море и в норвежских отчетах // Рыб. хоз-во. 2006. № 5. С. 6–9.

Борисов В.М., Пономаренко В.П., Ярагина Н.А. Критический анализ популяционного статуса прибрежной трески *Gadus morhua* норвежско-баренцевоморского региона // Вопр. ихтиологии. 1999. Т. 39. №1. С. 22–33.

Васильев А.М., Комличенко В.В., Бакай А.Ю. Основные биоэкономические принципы и проблемы использования основного богатства Баренцева моря — северо-восточной арктической трески // Рыб. хоз-во. 2013. № 4. С. 12–15.

Выбросы по районам морского рыболовства в мире. Обновление. Технический документ ФАО по рыболовству № 470. Рим: ФАО, 2005. 131 с.

Голенкевич А.В. Классификация выбросов на промысле водных биологических ресурсов // Рыб. хоз-во. 2014. № 2. С. 54–56.

Зиланов В.К., Лука Г.И., Зеленцов А.В. Рыбная промышленность Норвегии в XXI веке: от морского рыболовства к марикультуре. М.: Изд-во ВНИРО, 2008. 313 с.

Йоргенсен А.К., Хеннеланд Г. Общее море, общие задачи — сравнительный анализ рамочных условий рыбной отрасли России и Норвегии // FNI Report. 2015. № 8. 107 р. (<http://www.fni.no/pdf/FNI-R0815.pdf>)

Протокол 20-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Мурманск, 1991. 13 с.

Протокол 21-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Осло, Норвегия, 1992. 11 с.

Протокол 32-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Санкт-Петербург, 2003. 14 с.

Протокол 35-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Тромсе, Норвегия. 2006. 17 с.

Протокол 38-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Сочи, 2009. 22 с.

Протокол 40-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Калининград, 2011. 23 с.

Протокол 45-й сессии Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству. Астрахань, 2015. 17 с.

Сборник двухсторонних международных соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства. Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Королевства Норвегии о взаимных отношениях в области рыболовства (1976 г.). М.: Изд-во ВНИРО, 2001. С. 130–132.

Строганов А.А. Род *Gadus linnaeus*, 1758 (Gadiformes: Gadidae) — состав, расселение, формообразование: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. М.: МГУ, 2014. 50 с.

Хеннеланд Г. Борьба за квоты и солидарность прибрежных государств: 30-летняя история российско-норвежского сотрудничества в области управления рыболовством. Мурманск: Изд-во ПИНРО, 2007. 187 с.

Шаров А.Ф. Меры по сохранению и управлению морским рыболовством США на основе закона Магнусона—Стивенса // Вопр. рыболовства. 2015. Т. 16. № 4. С. 450–459.

Borisov V.M., Shibanov V.N. The practical experience of NEA cod HCR implementation. Pros and cons // Proc. 17

- Rus.- Norweg. Symp. «Long term sustainable management of living marine resources in the Northern Seas». Bergen: IMR/PINRO, 2016. P. 28–42.
- Rosenberg A.A., Swasey J.H., Bowman M. Rebuilding US fisheries: progress and problems // Front Ecol. Environ. 2006. V. 4. № 6. P. 303–308.
- Report of the basic document Working group to the Joint Norwegian-Russian Fishery Commission. Bergen, 2003, 23 p. (<https://www.regjeringen.no>)
- Safina C., Rosenberg A.A., Myers R.A. et al. US ocean fish recovery: keepers, throwbacks, and staying the course // Science. 2005. V. 309. P. 707–708.

SOME ASPECTS OF THE JOINT RUSSIAN-NORWEGIAN FISHERIES COMMISSION ACTIVITY (VIEW FROM INSIDE)

© 2016 y. V.M. Borisov

Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography, Moscow, 107140

The author was fortunate to participate at the Joint Russian-Norwegian Fisheries Commission (JRNFC) annual meetings since 1995 as a member of the scientific group. Due to this, over the past two decades he was one of the advice developers of scientific recommendations to the Commission on the regulation of fisheries in the Barents Sea. Most of the fisheries analysts regards fisheries management regime and the cooperation between national research Institutes adopted and implemented by the JRNFC in the Barents Sea as one of the best example of bilateral cooperation between the countries in the network of similar fisheries commissions. The author also believes that the JRNFC fishing activity deserves a high assessment, as evidenced by, inter alia, the recovery and growth of the Barents Sea cod stock since 2000. Whereas 2016 year is anniversary from beginning of JRNFC work so interest to history its formatting is logical and it is appropriate even if short review of some aspects of the Commission activity. In author opinion some fisheries management measures adopted and implemented by the JRNFC, including strategically important ones, not fully take into account the biological features of the of exploited populations and their place and role in the Barents Sea ecosystem. The article gives a brief analysis of the 40-year period of the JRNFC activity, examines its successes and failures. At the same time on basis of made analysis in some areas of the Commission's work the ways of more effective vindicating and realization of the Russian fishing interests are proposed.

Keywords: bilateral cooperation, NEA cod, haddock, greenland halibut, king crab, discards, catch quite, TAC, harvest control rule.